

ЖУРНАЛЪ
 ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЫ.

Подъ редакціей Р. Л. Дитропова.

Жертвоприношение богу Ваалу. (Кн. Царей 16, 31)

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЬСНЯ.

(Из сочиненных пьесок в-Бориски).

Завтрак гуль и шурь боробы кровавой
Со всѣхъ сторонъ дождется до насъ;
Потрашна месточковъ расправой
Москва, Одесса, Киевъ и Кавказъ...
Друзья мои, товарищи и братья!
Забудете рощи,—ми взорни все въ оди,
Намъ едимымъ стовы, вольно и проматься,
Хоть пьемъ ми здѣсь неселое пиво!
Льютъ, кто сказалъ: „Одинъ—не воятъ въ полкъ!“

Отъ кандаловъ отъ лишняго боина
Войска растутъ... Кто гибнетъ въ битвѣ воли,
Достоинъ дарами вѣчнаго вѣнца!
Борьба кипитъ... Не побѣдитъ Орловскія,
Дубосовскія и Мазанъ тѣхъ, кто правъ,
Кто борется не пулики, такъ словомъ.
За честь страны, за жель зародилъ пращъ!
Политъ стасамъ! Прощъ невогодъ!
Мель намъ тресныхъ тресовъ вѣтъ...
До дна—за всѣхъ борювъ Свободы,
За всѣхъ вусушихъ въ живы намъ свѣтъ!
Рекнидъ грохотъ намъ не на шутку,
Что воятъ дѣвъ—рады се растуть,—

Жезудажныя кобеллы Боккачю.

Поль редакцій и съ переводчиками Романа Добраго.

**О чудесахъ въ женскомъ монастырѣ, основанномъ
падре Давоани.**

„Королева и всѣ придворные были весьма довольны
энергичнымъ воцарениемъ тѣмъ Скобелю.“

— Такъ ему и жаль, этому благодарному посланцу
Фаворитъ! — воскликнула королева. Кому сегодня разле-
зать насъ?

— Инъ, ваше величество. Я расскажу вамъ сегодня
о чудесахъ въ женскомъ монастырѣ, который основалъ
достопочтенный падре Давоани.

Лишь только имя падре Давоани было произнесено,
какъ всѣ дамы, съ лужковъ-студенной улыбки, потупили
свои глаза, а камерлеръ весело поглядѣлъ на свои шляпы
и на то мѣсто, гдѣ вьются изъ желота и начинаются
ноги.

— Ситуайте. Послѣднее чудо со шляпой ономателно
уверило благопочтеннаго падре Давоани въ сознание,
что всю свою чудотворно-чуждытвенную силу онъ
долженъ посвятить пошай женщинамъ, женской благодати.

Онъ еще съ большимъ рвениемъ ставъ развѣшивать
по Пизѣ, въ сопровожденіи двухъ женщинъ, и съ еще
большей любовью относиться къ сеньорѣ Ронг'инъ,
которую возлюбилъ въ санъ Санг'и Ман'и.

Наконецъ, онъ рѣшилъ основать женской монастырь
и дать благословеніе на то, чтобы всѣ женщины, вѣр-
ные въ его чудеса, назывались „жезудажными“ *).

И вотъ, на тѣ земли, которые стаскивали къ нему
со всѣхъ сторонъ, деньги, за которые Давоани и его
секретаря, пошайо пѣлъ, давали изумительные (студенныя

грѣхонъ), на берегу грязнаго канала *) въ городѣ Ся
Петра выросъ красивый женскій монастырь.

Такъ какъ въ постройкѣ его не принималъ участія
ни одинъ изъ преемствъ, то сооруженъ этотъ „храмъ“
былъ весьма быстро, на вѣчную радость богатыхъ же-
нщинъ города Ся Петра, которымъ надоели уже всѣ
старые, преемныя богоугодныя заведенія, гдѣ они изла-
вали свои накопившіяся чувства...

Уставъ этого замѣчательнаго монастыря орава
„жезудажности“ былъ, по истинѣ, високо мудръ и строго
опредѣленъ; совершенно въ духѣ благопочтеннаго падре
Давоани.

Сущность его заключалась въ томъ, что „правед-
ность нечего удалять отъ міра, ибо міръ въ насъ нуж-
дается... Спасеніе за святыми монастырскими воротами
могутъ искать лишь всѣ погубившіе созданія, всѣ тѣ, у
кого жоланы любовныхъ утѣкъ преемше изъ собствнн
и женской горести и чести“.

— Такъ вы найдете желаніе, т. е. успокоеніе
своимъ женскимъ страстямъ! — широко заявилъ досто-
почтенный падре Давоани. — Если-же вы, собственными
средствами, не сумеете успокоиться, то на помощь къ
вамъ придетъ я.

Всѣ женщины, послѣ поразительнаго чуда со шля-
пой, всѣ женщины удивлены симпатично въ силу и
нощъ благопочтеннаго Давоани.

Скоро слова о самомъ благопочтеномъ монастырѣ
„жезудажности“ широко разошлись по всему граду Ся
Петра.

Всѣ заблудшія женщины стремилась попасть туда,
всѣ гетеры града Ся Петра томясь и мечтали, какъ-бы
нихъ промочить нѣ одну жезудажность. Были среди
нихъ красавицы женщины, вѣщавшія себя Магдаланами,
жестаскился, что онѣ грѣшили съ пошайомишии монист-

*) Такъ какъ Давоани съотвѣтствуетъ русскому Боому, то
и жезудажныя могутъ быть названы „жезудажностями“.

*) Въ городѣ Ся Петра есть довольно красивая, изъ
гранита, обѣта градъ Пизажа...

Наперекоръ и радости, и расудку
Губебъ она и мысль, и волюны трудъ.
Дано перьямъ мучающаго престола,
Хитрости кружачъ: „Нюхадъ, нюхадъ!
Хитрадъ, левъ“! Нить въ тормахъ болше нбета...
Но вонючка събитося, ретр-градъ!
Надрывъ есть послондичъ, смѣется
Тотъ хорощъ, чѣмъ събѣтъ послѣдняя была*
Тѣбъ твоей смѣхъ слезамъ освѣдится...
Радуйтисъ будъ, одержи свой рыцарскій щитъ!
Не подавайши ни приговора ни приговая,
На обманъ, ни ареста ни тюрьма,
Чѣмъ пилаво всею народо стогою,
И крошя тѣхъ, кто губебъ за него...

Политъ стваки! Жизнь природы—
И то—впередъ идетъ всегда...
Пѣсья—азъ амстоловъ Свободы,
За воланыхъ ратниковъ трудъ!

И былъ всегда плащомъ страны родимой,
И посвѣдалъ богачей рожнъ...
Родной народъ! Ты—мой герой любящій!
Богачаръ! Гоголь, воевать я ихъ;
Но гдѣ они? Не тѣхъ, кто отступили
Средь чудихъ вамъ Мальчиуръ цопетъ?
Не тѣ-ли, чѣмъ фалтъ тонилъ и сдѣлалъ,
Цюора амажъ родитъ своею?
Вѣтъ, вѣнать, тѣ—кто съ дерзостью слѣвою
Стрѣлалъ въ дѣвѣ и жондѣхъ, какъ въ нищѣхъ,
За то, что тѣ съ закуебъ только
Шли, правдуя свободы первый дѣлтъ!
Стихъ вѣжодѣ нѣ бы быть фарисеизмъ,
Открыто нѣтъ нѣ къ другу и къ другу;
Опрещивающъ, воронъ и полнещивъ
Хвалѣбныхъ одъ славитъ я не могу!

Волитъ стваки! Прощъ азъ одѣ...
Идутъ на събу дѣ почажъ...
Вѣвъ и павъ я—въ честь свободы,
На страхъ—свободы пачажъ!

Преступимъ тѣ, кто—слабихъ угнетая—
Чашъ за то хвѣтавъ, орденъ...

Преступивъ тотъ, кто—рабство проказавъ—
Всѣхъ стати-би знать отъ жизни къ црству савъ!
Преступимъ тѣ, кто предлагають камешъ
Голодному, а зѣбѣбъ себя береть;
Преступивъ вздохъ—кто погонитъ пламень,
Водуний къ събу темной палъ парель!
Вожиники народа, казюкроды,
Поклонники гайки и штыка,
Потомство насъ осудитъ безъ пощадъ,
Безла жегилъ намъ будетъ не логатъ;
Проща—сула величешарий—
Проща—сула величешарий—
Они будутъ крепостъ, Суди намъ безпримѣраи!
Поща намъ, пощамъемъ пооща*!

Политъ стваки! Всея народы
Прещивемъ честноту работъ...
Пѣсья на рѣсѣтѣ родной Свободы,
За гибель творецъ и оковъ!

Но, кажется, и вѣтъ въ томъ Юенатъ!
Онаши толь—по нищѣхъ временамъ!
Полци-би насъ не удѣлала,—
Нѣтъ добрътъ веданъ адѣ и стѣжамъ:
Онъ од, тонки воронъ отъ бѣжамъ!
Посудушавъ, занипуть вой, водудтъ,
На жѣтъ преступленъ поавать
И—за Негу въ арестъ поведутъ...
Не болѣе! Нить... И подудитъ надъ нами,—
Нѣтъ жѣста въ тормахъ... Гдѣ-ли выбрать нѣтъ...
Водудтъ смѣдъ,—сѣтъ пригласимъ изъ съ нами
И долана ихъ всѣхъ перенюмъ...
Пусть водудтъ, цуетъ! Свободѣмъ собранъ
Насъ подаритъ октябрь рѣжбеномъ
Тамъ избиратъ жѣста для жѣстѣй,
Гдѣ предѣтъ каменное вино...

Волитъ стваки! Прощъ неогатъ!
Для вольной пѣсьи—нѣтъ цѣпей...
Прокляте всѣмъ врагамъ Свободы,
Лукамъ родимъ своею!

Евстахий Палайкинъ.

решъ, избравши себѣ въ утку мужиковъ, которыхъ называли болонскими яменами и изображеніе которыхъ носили на брѣняхъ.

Каждый день приносить известіе о какомъ-нибудь новомъ чудѣ въ монастырѣ вадре Дюковани.

То, вѣдучъ, происходило известіе, что въ монастырѣ собственной своей персиковой облаткѣ съ того съита Св. Керуларій, то—старикъ, будто ночью, къ воротамъ монастыря подѣлхала кука съинорокъ, изъясняющъ желаніе показаться въ величѣе благочестивыхъ дюкованистовъ и въ трудъ до пѣта лица проработать подъ крышей душеспасительнаго учрежденія раде Дюковани.

Самъ раде Дюковани довольно часто нѣвѣдалъ своихъ благочестивыхъ дѣвъ. Спустившій дуима жондѣжамъ, отъ обладѣть нѣкъ монастырѣ, спрашивая изъ съ отеческой вѣжносты:

— Стараетсѣ, святая съинорокъ?

— Стараетсѣ... соронно отбѣтствовали тѣ.

Къ этому времени относится чудо, которое могло случиться съ самимъ раде Дюковани и которое не случилось. Вы нѣсколько узнаемъ, дамы и кавалеры? Случилось! Говорить, единъ важный самоникъ по имени Викторіо Фегелъ*) прозвалъ къ себѣ въ стѣнѣхъ монастыря раде Дюковани и сказалъ ему:

— Вы знаете меня хорошо, раде Дюковани. Вы знаете, съ какою старинѣю и великою благочестіемъ въ народѣ. Теперь этотъ глупый народъ что-то переставъ вѣрять въ чудеса показавъ и нѣхъ благочестивыхъ людей. Чтобы укрѣпить его въ стоѣстѣ вѣры и увѣкъ самимъ отавѣтъ его отъ увѣстѣ въ политическѣ смутѣхъ, разрабатывающъ страну, требуется событіе, чудо особенной важности.

— Но, вѣдасѣйствѣнныя явленія, и, кажется, старающъ...
Мое послѣднее чудо со шпилью...

Важный самоникъ улыбуется.

— Ну, знаете, раде Дюковани, это чудо вѣдло нѣсколькѣ... скромничкъ... Я, признатсѣ, оказалъ отъ васъ нѣкой услуги.

— Проклоняйте...—пощро отбѣтилъ Дюковани.

— Уверте, раде Дюковани!

— К. к. жѣсъ!—въ сильнѣйшемъ изумленіи и ужасѣ воскликнутъ благочестивый раде.

Холодный потъ ужасъ проливъ Дюковани

— Да, да, дорогой мой, именно уверте. — несомнѣнно продолжалъ самоникъ.

— Но... но для чего-же... зачѣмъ?—летѣлъ Дюковани.

— Я вамъ объясню. Когда вы уверте, то я ровно черезъ годъ объясню вселарное торжество открытѣ видѣтъ мощей. Это событіе отнесеть жарѣтъ отъ политическѣхъ глупостей... вы помнѣте?!

— Но, ваша съйтская интенція... я очень польманъ такимъ великодушнымъ вниманіемъ къ моей скромной особѣ, но я далеко амблѣтъ, что открытѣ мощей полагаются черезъ сто лѣтъ!

— Э! нѣхучѣе ружо самоникъ...— бѣлають времена, когда вы можѣтъ чѣтъ считать за нѣсъ!

— Но есть еще одна пойма...— соронно продолжалъ Дюковани.—Чтобы уверте—надо уверте.

— Гм... вы правы...—въ раздуміи прерываетъ самоникъ.—Жалѣ, очень жалѣ, что васъ нѣльзя ни побѣситъ, ни разстрѣлѣтъ... Что дѣлать...

Отгоренный самоникъ удалился отъ дѣтъ, а среди дюкованистѣе и дюкованистѣе настало ликование. Когда они узнали, какою смертельной опасностью подвергались изъ благочестивыхъ учителей и какъ случайно случилосъ отъ избѣга ея—сердѣа изъ удивилъ и три дня пощро въ монастырѣ прихисданъ чудеса, одно другаго амбѣлѣтелье. О нѣтъ я сейчасъ разовѣкъ вамъ, дамы и кавалеры...

(Продолжимъ слѣдующъ)

*) Викторіо Фегелъ—въ ружѣхъ побѣдѣнныкъ.

КУМАЧЪ

(спасибо).

Утром только разглядо,
Вспомнилось все село,
Навспоминались мужичи,
Мужичи—во дурочки;
Судить адски, судить так,
Ладь молчать Ивань-дурачъ...
Вотъ выжале! Вотъ бьда!
Ми не ждали выжале!
Низъ стовали чтобы изъ выж
Решоръ былъ прилавкъ самъ!
Донетка, выи ти, збелъ—
Крамоль выжъ выжъ есть,
Онъ збѣжалъ разобратъ
И крамоль выжъ збѣратъ!
Во удальня старичи,
Мужичи—во дурочки
Тужитъ, звалитъ выжъ бѣды
И выжале беродъ...

Выводитъ катунь выжале
Все село выжале оны;
Непреловитъ в жегуе,
И гробитъ черныхъ тучъ...
Белъ я выжъ во по шуръ,
Все село съ жемъ соуръ,
Кай даа выжъ выжале—
Удалъ бы выжъ выжале,
Кто по выжале олу
Собитъ выжъ выжале...
Обычало изъ перый разъ
Неожиданный выжале;
Во крамоль-красный выжале
Назавалеа выжале;
И рубилъ, в штыи—
Все должи былъ выжъ судни...
Если-жъ красное выжале,
То выжале, во выжале!

Помечались мужичи,
Молодуи в старичи;
Бабы выжале—жале в шале;
Ихъ любимый выжале кумачъ...
Маньфестъ выжале слыно дакъ!
Пронимать дурачъ-Иванъ...

Этэ что-жъ? Бунтъ? Превостъ?
И выжале выжале маньфестъ!
Все крамольную выжале
Во три выжале оску!
Разимиланъ даа выжале
Даа выжале выжале часъ!

Помечались мужичи,
Мужичи—во дурочки;
Кто выжале ему выжале,
Кто выжале, сарафанъ,
Кто выжале платокъ,
Нашокъ красныхъ выжале жемъ,
А выжале дурочъ
Пританцать ему выжале.

Во выжале выжале Иванъ,
Слово выжале его дурочъ,
Пародилъ изъ красный выжале;
Дурочъ выжале выжале.
Выжале даа выжале
И выжале дурочъ;
Пританцать выжале выжале,
Заводитъ ему выжале;
Мылъ, выжале выжале выжале.
Онъ выжале изъ красный выжале.
—„Наше-сто, выжале выжале я,
„отпущено выжале жемъ!
Выжале даа выжале,
отпущено дурочъ...

Во выжале выжале Иванъ
Крамольный выжале выжале
(На выжале стоаа выжале),
На выжале выжале выжале
Сынъкъ, выжале выжале
Сынъкъ-стурно, выжале выжале жемъ...
Завылъ выжале мужичи,
Мужичи—во дурочъ...
—„Говоритъ, выжале выжале а!
„Ну, выжале выжале выжале!
„Самъ выжале а во выжале,
„Кто выжале выжале выжале!“

Решоръ выжале выжале: „Тутъ
„Белъ выжале выжале выжале;
„Все выжале выжале выжале,
„Тучи выжале выжале выжале,
„Предъ выжале выжале выжале выжале,
„Выжале выжале выжале выжале выжале!
И, выжале выжале выжале,
Онъ выжале выжале выжале выжале...

Во выжале выжале выжале,
Привычало выжале;
На выжале выжале выжале,
Превратитъ выжале выжале выжале...

Усмехалъ мужичи,
Горько выжале старичи;
—„Былъ выжале выжале выжале!
„Не выжале выжале выжале!“

В. Трофимовъ.

ЖЕНА ХУДОЖНИКА (мужу) Неужели тебѣ еще не надоѣло рисовать эти фигурки?

РЫЦАРЬ НАШИХЪ ДНЕЙ

(Одн.-баллад).

Ротанетръ фонъ-Сиверсъ! Тебѣ я пою,—
Славы твѣ Мина достоянъ;
Ты показалъ въ Прибалтійскомъ краю,
Что ты за доблестный воинъ!..
Взвонилъ въ пригорода голутвинскій разстрѣлъ.
Словно на дикихъ вояхъ,
Вылетѣ съ оградомъ своимъ полетѣлъ
Ты на смирненнхъ источнень (*).
Перновскій, Феллинскій шлы ты уйдѣ,
Юрьевскій и Везенберскій, —
Лихо себѣ парабатывалъ крестъ.
Въ битвѣ съ «кранолою державой».
Села-деревни ты самъ поджигалъ,
Въ дымъ воелыхъ пожаровъ.
Какъ кому жалело ты разыскалъ
По стѣ, по дѣвѣ ударомъ.
Розги и пули свистали, когда—
Время великому дѣлу—
Ты пресеждалъ безъ допроса суда
Цѣлыхъ семьи къ разстрѣлу:
Женщины, дѣти,— разстрѣливалъ всѣхъ
(Какъ тебѣ, жене и вѣшалъ!);
Славною побѣды блестящій успѣхъ
Думу гербовскую тѣшилъ...
Копчилъ фонъ-Сиверсъ свой сѣвѣный набѣдъ,
Край усмирилъ лазуберскій,—
Юрьевскій, Феллинскій звалъ онъ уйдѣ,
Перновскій и Везенберскій.
Покинулъ всѣ въ Прибалтійскомъ краю,
Что онъ за доблестный воинъ...
Рыцарь фонъ-Сиверсъ! Тебѣ и пою..
Ты—славы Мина достоянъ!..

Федуфасъ.

(*) См. телеграмму изъ Юрьева въ № 26 „Самъ“.

БОГАМЪ

На уставилъ
Привселазу
Вы еще садитесь, бога..
По какъ дѣла
Вили лаки
И переводити, и убави
Въ сумракъ храмъ
Димляе
Дали еще порохъ лянса,
И лянито
Сифотлито
Палати застрѣнонака лянса.
По, какъ лянито,
Веретати
Черныи думи ладъ ваки нило
Собралася
И вѣллася
Въ грѣбъ жереманую ланю.
И часами
Продъ галаман
Подылаволася куртини:
Выстръ лануи
Храбъ лануи
Обратилъ ось въ ружини.
Ружини лануи,
Галваня лануи
Ризановалася бѣсланди,
И лануи,
Торжественно
Буря грознаи неблито.
И лануи,
Мелой вокарини
Средъ облаковъ ваки турини,
Ланю порою
Продъ ланю
Ворухъ заланово порою лануи.

Ничкъ.

Первое засѣданіе Государственной Думы.

(Зинтересный отчетъ хроникера).
(Проложеніе, см. № 1 «Завтра»).

Отвѣтъ хроникера своему французскому коллегѣ, что дебатыруется вопросъ, куда лучше отправить депутатовъ послѣ засѣданія—въ участю или предварнику, нисколько не удивилъ того.

— Oh-й-й! — воскликнулъ корреспондентъ „Figuaro“.— Я всегда догадывалъ, что наша удивительная страна, le pays le plus remarquable du monde, содѣлаетъ нѣчто поразительное на почвѣ неизлѣчимыхъ началъ полной гражданской свободы. Вы, русскіе, confieze, перешеголяли всю конституціонную Европу: тамъ депутаты дерутся въ самомъ засѣданіи, а у насъ депутаты дерутся въ послѣдніи. Vive la Russie!

Хроникера (уже устатій повтора-ривать). Милгала! другъ! (затѣлываетъ марсельезу). Алдонъ зафанга де ля патриа..

Приславъ Государста. Думы (грѣбъ совалси уже коллосомъ, оводъ государственной важности). Господа, прекратите безобразіе. Я долженъ предупредить васъ, что пѣніе марсельезы запрещено.

Бочаговъ (валя). Дивнстительно! (ктодъ въ азире). Ахъ, овъ прохотыте марсельезу пѣтъ?! Такъ стой же: я тебѣ на эту поганую пѣтню гимнъ устроилъ (дрожавыи голосомъ). Эй, братцы не вылачай! Кто въ Бога вѣруетъ—затѣлвай гимнъ!!

Гучковъ. Вѣрно! гимнъ, господа, гимнъ!

Въ залѣ Таврическаго дворца позымается нѣчто неописуемое. Крисъ, гамъ, свистъ, толпанье ногъ. Всѣ вскакиваютъ. Направо—трансъ, лѣваю—паталогическій аффектъ. Направо кричатъ: „гимнъ! гимнъ!“ лѣваю „марсельезу! марсельезу!“

Предсѣдатель (въ ужастіи хватилася за голову, замечаетъ что нѣтъ силы). Господа, господа!! Вы хотите сорвать засѣданіе..

Приславъ Государств. Думы (оидымае цривалъ). Видно попарно, повоздно, поскандронно.. Тыфу! все перепуталъ Эй, городовыхъ содалъ (судуровно хватилася за голову Ланъ и Сомали). Появляются городонье. Они, загадочно суровые, выстраиваются въ рядъ. За ихъ дюжими спинами юрко ютятся нѣсколько городовыхъ пальто.

Шумъ достигнетъ своего апогея.

Общій ревъ. Гимнъ!! Марсельезу!!

Моментъ,—и дикіе, ужасные звуки смѣшанныхъ мелодій (допотопической диссонансъ*) оглашаютъ стѣны Таврическаго дворца.

Получается нѣчто весьма достопримѣчательное, приближеніе въ этаномъ родѣ:

Боже.. алдонъ зафанга..

Царя храни.. де ля патриа..

Бочаговъ (уже не мила, а гонимъ отъ асторы). Эй-Богу, токъ въ токъ, какъ въ одному изъ монхъ трактирова. Дивнстительно!

Скальковскій. Mes enfants, mes enfants..

Приславъ Государств. Думы (указивенно). Какъ, наше превосходительство!! и вы—марсельезу?!!

Скальковскій (кричитъ фистулой про-

Брызги и занозы.

III.

Во всем он видит преступление,
 Дебильное: „Долой занозы!
 Услышь мэры преступный!“
 Достойный жрец Венеды ох...
 Все злится — прокуроры —
 Ночь — стать патрону сбросу
 Рычат, кругом бранят бояры:
 „Ночь стражу блатной! Во тюрьму, во тюрьму!“
 Спасется Русь — тюрьмой хранима,
 Восстанут Яковлевичи паны;
 Ха... про полстобского филма
 Услыши исповедник бы смуг!
 Министры не бьют палки, занозы
 Родной страны их избранные;
 Но гонимы многие миллионы
 Ох оть кого бы услышала, —
 Когда бы министру без докладов,
 Какъ самый банальный из коллег,
 Возвел бы тотъ, скажи: „Же бьютъ
 Какъ Русью будутъ дни разладов!
 Показ ждешь твой наезд...
 „Как... но собсти бы надо.
 Не жуем, милый человек!“

Взвук своего дяди.

(Продолжение следуют)

интереснейшим образом). Mes enfants, ради Бога успокойтесь... зачемъ гимна, зачемъ марсельезы? послушайте меня... я, знавший его сорокъ три министра и всегда доказывавший *, что ничего глупее русскихъ министровъ не можетъ быть на свете, и предлагаю лучше снять самую невинную пьесенку — шансонетку.

Общій ревъ: „Къ черту шансонетку! Гимна! Марсельезу! Дубинушку! Нагаечку!“ Скальдовский *(ожививъ)*. Да вы послушайте... ah, карарей-те, о это карарей! *(Поднимаясь со стула и выходя изъ комнаты безъ шапки)* *(говоря и выходя)* — принимайте великое официальное тайное содействие!

Мой милый другъ, Коко,
 Тебя я обожаю...
 Я пью всегда Клико
 Когда съ тобой бываю...

Послѣ этой выходки, чисто провокаторской, баялето-нефтяного депутата шумъ и вознение мало-помалу утихаютъ.

Присяжавъ *(воробьямъ)*. По-изводу, по-эскизному... пфу! охътъ сбился ну! вонъ! Горюдины въ полномъ порядкѣ покидаютъ закъ засѣданія российского парламента.

Предсѣдатель. Господа, приступимъ! На очереди вопросъ — объ амнистии и занозы о политическихъ преступникахъ. Фискально полицейскій билъ.

Присяжавъ настаивается...

(Продолжение следуют)

*) См. „Новое Время“.

Ихтервью съ министрами.

Для возобновленія периферіи редакціи „Запана“ авторами и предпринята довольно рискованная въ смысле достижения цѣли и для неприкосновенности личности опасная экскурсія по министерскимъ кабинетахъ. Сказану все удается — и не только периферія въ редакцію цѣль и превредитъ, но даже привнесъ богатую коллекцію заноз. По тщательному осмотру делъ отъ нима, редакція съ благодарностью возвращаетъ ихъ обратно тѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ, которыя представили себя любезно въ наше распоряженіе эти занозы.

Довольно по Фонтанѣ до министерства всенныхъ дѣлъ, я бросалъ якорь. Несчадо тутъ оказалась весьма затруднительной, но въ концѣ концовъ состоялось довольно благополучно при помощи землемона, возникшихъ почему то полстобского-индари-скую форму. Я оставилъ въ кабинетѣ министра.

— Ваше высокопревосходительство, кака, слышавъ образомъ, забота руководить вами, какъ полномочнымъ министромъ, въ настоящее время?
 — Ахъ, какъ полномочнымъ министромъ, въ настоящее время? — позвольте! Это значитъ, въ сущности игнорируете мою прошлую деятельность. Напрямъ она очень плодотворна и важна. Давно пресиде болелъ моего кланія и призвалъ убрать меня въ 24 часа. Какъ стоило мнѣ затворить съ глумливыми и ничтожными людьми изъ двора? Справочникомъ о томъ, пишете за выраженіе, спускаемъ продуктъ, какъ охотъ — и все Россия, штъ все Европа изгнорала объ васъ. Ночь каково все алкаемъ! Не Ала-лахъ съ вами. Вы интересуютъ мной только какъ полномочнымъ министромъ. Кака руководить мной въ настоящее время забота? Она, славу вамъ, одна забота. Это о тюрьмахъ. За послѣдніе годъ обязательствъ нашего обширнаго отечества обую самое то неслыханное безуміе — звать въ небыт, звать подъ жерва пушекъ и пулеметовъ и забрызгать тысячами. А потому я въскъ лучшияхъ обязательствъ притчу въ тюрьмы, чтобъ сохранить имъ жизнь. Похвально, что за послѣдніе два только мѣсяца и такимъ образомъ съелъ десятки тысячъ обязательствъ. Не обращая вниманія ни на ранги, ни на общественное положеніе обязательствъ — если только оны не глумъ самымъ его въ тюрьму для его безопасности. Профессора, телеграфисты, желѣзнодорожные служащие, крестьяне, литераторы, — все въ и забочусъ. Въдъ отечество въ нехъ ужасается. Ну, а что касается остального безумнаго народа, такъ пускай его глумитъ. Отъ его глумилъ отечеству блинъ не будетъ. Наоборотъ, тамъ заснужомъ.

Но такъ какъ мнѣ хочется съвести отъ пушекъ и выстрѣловъ еще въсколько сотъ тысячъ обязательствъ, а тюрьмы свободныхъ штъ, то моя главная забота вырвалена въ томъ, чтобъ несли въ тюрьмы. Строить коихъ пельня, а потому мной паробитается грандиозный проектъ о передать тюрьмомъ въдомету всѣхъ адскихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Надѣюсь, что проектъ мой пренятствій въ откудъ не встрѣтитъ.

— Какъ все мило!

— Ишь, какъ Божій дѣш, наше высокопревосходительство.

(Продолжение следуют)

Писана.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Александръ Даниловъ Гудовъ.

КИЕВЪ. Местная партія правого порядка призываетъ къ ответственности конституционно-демократическую партію за свѣдѣе, выраженныя ею въ программѣ программы.

РЕДАКЦІЯ-КАБИНЕТЪ „Нивольновъ“ г-ль Писану извѣстивъ извѣстивъ, что не желтъ и не желтъ къ мѣсячному мѣсяцу съестъ съ тѣмъ, въ какъ сѣбрѣ политическаго состава Россія, мужидереть въ умельхъ охотъ.

ВАРШАВА. По охотамъ, г-ль Селеню высокопревосходительство отивается и извѣстивъ крайнихъ зарплатъ.

БѢЛЫЙ РАБОЦЪ университетъ канцелярско осоманенъ боб-контарь въль стивидетъ.

ТУЛА. Арестованъ старшій дворникъ Дементій Федоровъ, со-обладая въ публикующъ мѣсяцъ своей жандармъ о неарестованномъ тѣснѣ русскихъ высшихъ сатираическихъ журналъ „Запана“.

ГОМЕЛЬ. Изданъ конституція. Убиты все въ высочайшъ Баро и занозаты пренятствій сформался въ охотѣ.

Отъ редакци.

Номера „Заново“ въ оптовой продажѣ высылаются наложеннымъ платежемъ лишь по получении задаточной суммы въ размѣрѣ половинной стоимости заказа.

Пробный № высылается за двѣ 7-ми копѣеч. марк.

Рукописи, не принятыя къ печати, не возвращаются. Редакторъ принимаетъ еженежно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 2 1/2 до 4 1/2 ч. д.

Канорамма (въ каррикатурахъ) Русско-Японской войны качнется съ № 3.

==== Слѣдующія новеллы будутъ съ иллюстраціями. ====

Редакторъ Р. А. Антроповъ.

Издатель С. Д. Неминовъ.

ДѢЛЪ ИМЪЯЕ КНИЖ. АННАЛОЗЪ КОРИФСКАГО
ПОКАЗЪ ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОЛУЧИЛИ ВО
ВСѢХЪ МѢСТАХЪ РАСПРОДАЖА.

1) ВЪ ЛУЧАХЪ МЕТТЫ НОВ. СЛѢД.

1. Въ лучахъ метты. — II. Думи жонки. —

III. На грядущероки. — IV. Вышлагадомъ

(22 стр., карт.) — V. Отголоски (въ одн. томѣ).

— VI. Славянское вѣстан. — VII. Пѣсни

Арменій — VIII. Изъ иностранн. вѣстокъ

Писана въизданный томъ, ближе 20 карикатурахъ

исповѣд. (100 страницъ), сполнаотпеч. на луч-

шей газетрочковъ бумагѣ большого формата,

съ иллюстраціями (въ столбцахъ) двѣхъ вѣ-

домъ бумага) портрета цесаря.

ЦѢНА 2 РУБЛ.

2) ПОВСІИ ВАУМБАХА. Сказочника

и знаменитого поэта Рудольфа Ваумбаха въ пе-

реніи А. А. Коренскаго.

1. „Са прѣдѣлкой зароси“ („Von der Land-

strasse“). — II. Пѣсни странствующаго под-

мастера („Liedes eines wandernden Meisters“)

Издана въизданный томъ въ 12 страницъ, картонъ

(192 стр.), съ иллюстраціями и двумя портретами

и иллюстраціями Ваумбаха (1-21 стр., 1905 г.).

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛ.

Образцовыи отъ редакціи „Заново“

высылаются 10% бѣзден.

Библиотечка
2006
Фило
254